

Е.В. Кузнецова Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь
e-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРНОГО КОДА И ЕГО АКТУАЛИЗАЦИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Основная тема исследования – культурный код народа и его проявления в коммуникативном пространстве. Цель исследования – выявление характерных особенностей культурного кода на примере вербализованных проявлений в коммуникативном пространстве.

В ходе исследования нами обозначены такие характерные черты культурного кода, как функциональность, коммуникативность, искусственный характер, зашифрованность информации или закодированность, аксиологичность, символичность, процессуальность, субъективность. Проявление данных отличительных особенностей продемонстрировано во фразеологизмах, прецедентных феноменах, этнокультурных стереотипах на материале русского и белорусского языков. Представлены характерные особенности фразеологических единиц, отличительные признаки прецедентных феноменов, этнокультурных стереотипов. Автором проанализирован каждый из вышеуказанных текстовых феноменов в коммуникативном пространстве как своеобразный «маркер» культурного кода в языке при помощи морфологического, структурно-функционального, типологического методов и метода обобщения. В качестве примера этнокультурных стереотипизированных образов представлены образы аиста (в белорусском культурно-коммуникативном пространстве) и ворона (в русском культурно-коммуникативном пространстве). В выводах автор указывает на значимость изучения культурного кода, играющего особую роль в сохранении уникальности культурного достояния каждого народа в условиях процессов технологизации и цифровизации, отмечает способность культурного кода фиксировать результаты культуротворчества, ценностные ориентиры и смыслы и транслировать их на последующие поколения.

Ключевые слова: культурный код, язык, коммуникативное пространство, фразеологизм, прецедентный феномен, этнокультурный стереотип.

E.V. Kuznetzova

Institute of Philosophy of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
e-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru

The Concept of Cultural Code and its actualization in the Communicative Space

The main topic of the research is the cultural code of the people in the communicative space. The goal of the research is to identify the characteristic features of cultural code on the example of the verbalized manifestations in the communicative space.

During the research we identified such characteristic features of the cultural code as functionality, communicability, artificial nature, information encryption or coding, axiological nature, symbolism, processuality, and subjectivity. These peculiarities are demonstrated in phraseological units, precedent phenomena, ethno-cultural stereotypes on the material of the Russian and Belarusian languages. The author analyzes each of the above-mentioned textual phenomena in the communicative space as a kind of «a marker» of cultural code in the language by means of morphological, structural-functional, typological and generalizing methods. We present as examples of ethno-cultural stereotyped images, the images of a raven (in the Russian cultural and communicative space) and a stork (in the Belarusian cultural and communicative space). In the conclusion the author points out the importance of studying of cultural code, which plays a special role in preserving the uniqueness of each nation's cultural heritage in the context of technological and digitalization processes, and highlights the ability of the cultural code to capture the results of cultural creation, values, and meanings, and to transmit them to future generations.

Keywords: cultural code, language, communicative space, phraseological unit, precedent phenomenon, ethnocultural stereotype.

Е.В. Кузнецова

Беларусь Ұлттық ғылым академиясының Философия институты, Минск, Беларусь
e-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru

Мәдени код ұғымы және оның коммуникативтік кеңістікте өзектенуі

Зерттеудің негізгі тақырыбы – коммуникативтік кеңістіктегі халықтың мәдени коды. Зерттеудің мақсаты – коммуникативтік кеңістіктегі вербалданған көріністер негізінде мәдени кодтың сипаттамалық ерекшеліктерін анықтау.

Зерттеу барысында мәдени кодтың келесі сипаттамалық ерекшеліктері анықталды: функционалдылық, коммуникативтілік, жасанды сипат, ақпаратты шифрлау немесе кодтау, аксиологиялық сипаты, символдылық, процестік және субъективтілік. Бұл ерекшеліктер орыс және беларусь тілдерінің материалдары негізінде фразеологиялық бірліктерде, прецеденттік құбылыстарда және этномәдени стереотиптерде көрініс табады.

Автор жоғарыда аталған мәтіндік құбылыстардың әрқайсысын коммуникативтік кеңістікте мәдени кодтың тілдегі өзіндік «маркері» ретінде талдайды. Талдау барысында морфологиялық, құрылымдық-функционалдық, типологиялық және жалпылау әдістері қолданылды.

Этномәдени стереотиптік бейнелердің мысалы ретінде автор орыс мәдени-коммуникативтік кеңістігіндегі қарға бейнесін және беларусь мәдени-коммуникативтік кеңістігіндегі ләйлек бейнесін келтіреді.

Қорытындыда автор мәдени кодты зерттеудің маңыздылығын атап өтеді. Өйткені ол технологиялық даму мен цифрландыру жағдайында әр халықтың мәдени мұрасының бірегейлігін сақтауда ерекше рөл атқарады. Сонымен қатар мәдени код мәдени шығармашылықтың нәтижелерін, құндылықтар мен мағыналарды жинақтап, оларды келесі ұрпаққа жеткізу қабілетіне ие екендігі көрсетіледі.

Түйін сөздер: мәдени код, тіл, коммуникативтік кеңістік, фразеологиялық бірлік, прецеденттік құбылыс, этномәдени стереотип.

Введение

Современные социокультурные процессы протекают, как правило, на фоне общего глобального увеличения числа коммуникативных контактов. Субъект XXI века – субъект коммуницирующий, актор социального действия, именно интеракция позволяет ему овладеть существующим культурным богатством и сохранить свою культурную идентичность. Поэтому и сегодняшний методологический инструментарий для изучения культуры и культурных феноменов должен реализовываться, прежде всего, исходя из условия коммуникации.

Актуальность статьи, цели и задачи. Учитывая идею культурного многообразия, мы можем говорить о том, что культурный код становится средством сохранения и трансляции системы культурных феноменов и артефактов для последующих поколений. Различия культурных кодов разных народов, дифференциацию в их смысловой и аксиологической нагрузке очень важно иметь в виду при построении коммуникации как на моно-, так и на межкультурном уровне, что способствует предотвращению конфликтов этнического, религиозного и геополитического характера. Поэтому и цель

исследования заключается в следующем: выявить характерные особенности культурного кода и рассмотреть их на примере вербализованных проявлений в культурно-коммуникативных практиках белорусскоязычного пространства и русскоязычного пространства. Среди задач исследования мы обозначим следующие: выявить концептуальные подходы к изучению понятия «культурный код», обозначить особенности фразеологизмов, признаки прецедентных феноменов, характеристики этнокультурных стереотипов, обосновать истоки происхождения этнокультурных стереотипизированных образов и их роль в белорусскоязычном и русскоязычном культурно-коммуникативном пространстве.

Материалы и методы исследования

При помощи компаративно-исторического метода мы сравнили концептуальные аспекты в эксплицировании понятия культурный код, на основе которых с использованием морфологического метода раскрыли его характерные черты. Морфологический метод помог обнаружить и обозначить отличительные признаки прецедентных феноменов, фразеологических единиц, этнокультурных стереотипизированных образов.

Структурно-функциональный метод позволил вскрыть механизм действия фразеологической единицы: когда прототипная ситуация несет в себе прямое значение, а затем происходит переход к переносному смыслу и складывается уже, собственно сам фразеологизм. В результате использования метода обобщения мы обратили внимание на классификацию языковых кодов, способность к образованию которых является одним из признаков фразеологизмов. Данная классификация характерна, на наш взгляд, для многих народов, мы включили в нее соматический/телесный, пространственно-временной, предметный, биоморфный, духовно-социальный культурные коды. Нами представлены примеры из восточнославянской мифологии. Культурно-коммуникативные практики белорусского и русского народов послужили эмпирическим материалом для подтверждения нашей гипотезы о значимости вербализованных проявлений культурного кода в коммуникативном пространстве.

Обзор литературы

Поскольку культурный код – это сложное и гетерогенное понятие, выражающееся в различных формах, то оно нуждается, прежде всего, в концептуальном обосновании. В разное время к изучению культурного кода, его определению обращались различные представители гуманитарного знания. Если сделать обзор и систематизировать их теории, то можно обозначить четыре концептуальных подхода. В качестве критерия дифференциации мы принимаем особенности видения исследователями рассматриваемой проблемы.

Первый подход охарактеризуем как *философско-социологический*. Сюда будут относиться теории представителей структурного функционализма и неофункционализма Т. Парсонса, Н. Лумана, Дж. Александера, структуралиста К. Леви-Стросса, постмодернистов Ж. Деррида, Ж. Бодрийяра, постмарксиста М. Кастельса, структуралистского конструктивиста П. Бурдьё, символического интеракциониста И. Гофмана. Исследователи акцентируют различные характеристики культурного кода, определяя его либо довольно широко, либо узко-функционально: как набор правил и паттернов, собрание коммуникационных конвенций, бинарные ценности-оппозиции.

Второй подход – *семиотическо-коммуникативный*. Он представлен в трудах зарубежных и

русскоязычных ученых-филологов, семиотиков, лингвистов (Р. Барта, Ф. де Соссюра, У. Эко, Ю.М. Лотмана). В данном подходе культурный код интерпретируется с точки зрения своего текстового выражения и описывается тоже функционально: как инструмент знаково-символической сферы. Следующий подход – *социально-культурологический*, отображающий взгляды российских и белорусских философов, культурологов и социологов П. С. Гуревича, И. А. Купцовой, И. В. Котлярова, В. И. Надольской. Здесь исследователи раскрывают аксиологическое содержание культурного кода через историческую коллективную память, социальные нормы, установки, ценности. Основной недостаток данного подхода с нашей точки зрения, – его «схематичность», культурный код представляет собой в данном случае лишь «паттерн» коллективной исторической памяти.

Четвертый подход – *лингвокультурологический*. Здесь мы обнаруживаем работы российских и белорусских лингвокультурологов: В.А. Масловой, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, Ю.Е. Прохорова, Ю.А. Сорокина и др. Для них культурный код – система ценностей и семантических структур, имеющих вербальное выражение, которое преобразовывается в культурный смысл, что иллюстрируют примеры из фольклора и литературы. Например, если мы возьмем такой концепт в белорусском языке как «бусел» (*aust*), то убедимся, что это не просто обозначение птицы. В настоящее время «бусел» – символ мирной и толерантной Беларуси. То же самое можно сказать про концепт «медведь» в русской культуре как символ мощи и величия России.

Но при этом в лингвокультурологическом подходе рассматривается только вербальный аспект анализа культурного кода, в то время как изобразительное искусство, музыка, праздники и обряды не берутся во внимание.

Таким образом, можно сделать вывод, что эксплицирование концепта культурного кода требует синтеза подходов, применения интегративной междисциплинарной методики.

Результаты и обсуждение

В результате анализа теоретических источников мы смогли рассмотреть ряд характерных особенностей культурного кода, в той или иной степени обозначенных всеми учеными, обращавшимися к его эксплицированию. При этом отметим, что некоторые из характеристик могут

носить весьма дискуссионный характер (Кузнецова, 2024). Первая из характерных особенностей культурного кода – это его функциональность. Культурный код, как правило, содержит в себе информацию о духовной и материальной деятельности человека, разворачиваемой на различных исторических отрезках. Одно из его назначений заключается в установлении соответствия между культурным явлением и смыслом – явным, лежащим на поверхности, или скрытым. На это обращают внимание в той или иной степени представители всех рассмотренных нами выше подходов. Поэтому мы часто встречаем у исследователей такую дефиницию культурного кода, как «фрагмент памяти» (Барт, 2004) или «комбинация смыслов и значений» (Гуревич, 1984; Лотман, 2000; Эко, 2004).

Следующая особенность, присущая культурному коду, – *коммуникативность*. Одна из основных задач культурного кода – трансляция информации о культурных феноменах, средством трансляции выступает, как правило, язык, а точнее его текстовые конструкции. Прецедентные феномены, фразеологизмы, идиомы, пословицы и поговорки фиксируют и транслируют сведения о культурных феноменах прошлого, о чем пишут лингвокультурологи, филологи, семиотики. Хотя при этом мы имеем в виду, что не только тексты являются носителем культурного кода, но значимым коммуникативным средством выступают и, например, музыкальные произведения или произведения художественного искусства, религиозные обряды и ритуалы.

Третья характерная особенность, на которую мы обращаем внимание, и которая является спорной, – это *искусственный характер* кода, когда код предстает как «модель» или «матрица», «система знаков и символов». Именно по этой причине ряд исследователей не относят язык к коду (например, Лотман, 2000), хотя многие и философы, и культурологи, и социологи сходятся во мнении, что язык – форма культурного кода и одновременно область его проявления.

Четвертая характеристика культурного кода – *зашифрованность информации или закодированность*. Данная особенность выглядит довольно очевидной в феномене культурного кода по причине его сущности, но нам представляется важным обратить внимание на способы кодирования и декодирования в разные исторические эпохи. В индустриальный период таким способом был печатный текст, в информационную эру на первое место вышли визуальный ряд

и цифровизация, по мнению семиотиков и пост-модернистов.

Аксиологичность следует также отнести к характеристикам культурного кода, поскольку через мифологические представления и архетипические установки культурный код вобрал в себя и зафиксировал основные ценностные ориентиры, что особым образом отмечают культурологи и социологи.

Следующая особенность культурного кода – его *символичность*. Фольклор народа, литературные произведения писателей и поэтов в аллегорической форме передают мифологические идеи еще времен язычества и становления христианства, что отмечается, в первую очередь, филологами, литературоведами и культурологами. Например, языческий культ Матери-Земли восточнославянских племен, синтезированный впоследствии с христианским образом Девы Марии отражен в образах литературных героинь в произведениях русских и белорусских классиков: А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Якуба Коласа, М. Богдановича. Персонажи животных из русских и белорусских народных сказок напрямую отсылают нас к тотемистическим представлениям славян.

Следующая характерная черта культурного кода – *процессуальность*. Это способность культурного кода «разворачиваться» во времени и пространстве. Культурный код, как правило, формируется и эволюционирует на протяжении столетий и несет в себе фрагменты исторической коллективной памяти. Но, в данном случае, все-таки уместнее говорить скорее не об изменчивости самого культурного кода, а о динамике его проявлений, причем как на вербальном уровне (тексты), так и на невербальном (ритуалы, праздники, обычаи, традиции). Под влиянием происходящих в современном обществе трансформаций какие-то элементы этих проявлений «отмирают», то есть или забываются, или становятся непонятными в силу новых социальных, политических, экономических реалий.

Добавим еще одну характерную особенность культурного кода – *субъективность*, поскольку он создается и воспринимается субъектами, при этом под субъектом мы понимаем и народ, и отдельных личностей.

В нашем исследовании нас будут интересовать проявления культурного кода именно в коммуникативном пространстве, то есть его вербализированные проявления: фразеологизмы, прецедентные феномены, этнокультурные

стереотипы. Данные проявления содержат в себе огромный объем закодированной информации, они передают, по сути, весь культурный контент, накопленный народом за тысячелетия своего существования. Если представить культурный код в виде своеобразной модели, то язык будет выступать как «ядро», при этом в качестве «периферийных признаков» будут фигурировать смыслы, фрагменты исторической памяти, архетипические установки, мифологические представления и система ценностей, так или иначе передающиеся через текстовые конструкции.

Первыми проявлением культурного кода обозначим фразеологизмы. Фразеологизмы (фразеологические единицы, идиомы, устойчивые выражения) сохраняют и транслируют содержание культурного кода, при этом значительно экономя средства выражения в отличие от целостных текстов. Именно по этой причине фразеологизмы вместе с образно-мотивированными словами – метафорами – выступают репрезентантами культурных знаков. Многие фразеологизмы, по мнению В. Н. Телия (1996, с. 48), есть образные наименования, способствующие выявлению коннотаций, ассоциаций, культурно-значимых фреймов и абстрактных концептов.

Механизм появления любого фразеологизма работает следующим образом: на основе прямого значения происходит переосмысление, и затем формируется уже образ фразеологической единицы. Определение фразеологических единиц, данное В. Н. Телия (1986, с. 143), и принцип возникновения фразеологической единицы, помогают в выделении особенностей устойчивых выражений. Первой такой особенностью, на наш взгляд, можно считать реификацию. Это ни что иное, как овеществление образного концепта, когда есть конкретные значения, а есть значения метафорического характера. Например, устойчивые выражения со словом «надежда» в русском и белорусском языках носят и конкретный, и метафорический характер: «тщетные надежды» – «марныя надзеі»; «слабая надежда» – «слабая надзея»; «питать надежды» – «спадзявацца»; «подавать надежды» – «падаваць надзеі»; «ни малейшей надежды» – «ніякай надзеі»; «в надежде» – «спадзеючыся» (Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля, 2004, с. 387; Лепешаў, Том 2, 1993, с. 66).

Образность и ассоциативность фразеологизмов способствуют обозначению следующей особенности – культурно-национальной коннотативности. Степень воздействия фразеологизма

усиливается благодаря коннотациям, формирующим, в свою очередь, ассоциации. Причем добавление коннотации и создание ассоциативных связей – это процесс исключительно культурно-эмоциональный, его рассмотрение не поддается законам логики. В основном все коннотации строятся на ассоциациях, хотя при этом они могут быть детерминированы и реальными качествами тех или иных предметов, лиц и т.д. То есть получается своеобразный синтез реальных, конкретных признаков и эмоционально мотивированных. Например: мы называем «динозавром» возрастного человека с отсталыми взглядами, «базаром» – любое шумное место, «сборной солянкой» – смешение всего и вся и т.д.

Коннотация интерпретирует смысл многих культурных феноменов и артефактов, отражая семантику слова и формируя культурно-языковую картину мира. Исследователи в данном контексте также применяют такое понятие, как «культурная память» языковой единицы. «Культурная память» – «оттиски», «слежки» культурных феноменов в языке (Кузнецова, 2023). Причем чем древнее культура, тем старшие ее культурно-лингвистические образцы. Приведем некоторые примеры устойчивых выражений в русском и белорусском языках с архаизмами: «попасть в просак» (Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля, 2004, с. 518), «быть семи пядей во лбу» (Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля, 2004, с. 39), «лезть на рожон» (Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля, 2004, с. 417), «глядзець (пільнаваць, сцерагчы) як вока (ў лобе)», Лепешаў, Том 1, 1993, с. 583), «лынды біць» (Лепешаў, Том 1, 1993, с. 93) «у лапці абуць» (Лепешаў, Том 1, 1993, с. 90).

Культурная коннотация – это показатель культуры в языковом знаке, как считает В.Н. Телия (1996, с. 49), выражающий смысл архетипических моделей окружающего мира, артефактов, фетишей. И отображается все это в так называемых языковых кодах. Способность к образованию языковых кодовых конструкций мы обозначим как третью характерную черту фразеологизмов.

В целом, классификаций языковых кодов насчитывается довольно много (М. Данези, У. Эко, М. Фуко), мы назовем лишь те виды, которые наиболее распространены у русского и белорусского народов:

За основание данной классификации следует взять истоки формирования и развития языково-

го кода восточных славян в язычестве. Например, потребность восточных славян формировать пространственно-временные параметры и категории, а также познавать, прежде всего, себя обнаруживается в соответствующих видах языкового кода. Биоморфный языковой код указывает на связь древних восточнославянских племен с природными культами, анимизмом и тотемизмом; духовно-социальный и предметный коды вобрали в себя первые представления восточных славян об особенностях организации жизни; в мифологическом коде отражены представления древних славян о «нечисти» – леших, водяных, русалках и т.д.

Содержание фразеологизмов, их место и роль в лингвокультурном пространстве позволяют говорить о выполнении ими ряда функций (Телия, 1996). Первая функция – транслирующая, заключающаяся в передаче культурно-семантических образцов последующим поколениям. Оценочно-аксиологическая функция выражается в формировании оценочной школы. Метафорическая функция напрямую передает сам смысл и механизм существования идиом – использование выражений в переносном значении.

Своеобразными «маркерами» культурного кода в коммуникативном поле выступают не только фразеологизмы, но и так называемые прецедентные феномены (пословицы, поговорки, «крылатые выражения», известные в культурно-коммуникативной среде имена).

Следует различать прецеденты и прецедентные феномены. Так, к прецедентам мы относим феномены, фиксирующие значение моделей поведения народа, его ментальные установки, нравственные ценности. Прецеденты могут выражаться как в вербальной форме, так и невербальной, и если мы говорим про вербальную форму, то в таком случае мы имеем дело именно с прецедентными феноменами или, другими словами, текстовыми конструкциями.

Прецедентные феномены принадлежат одновременно и культурному пространству, и когнитивной базе. Отметим, что культурным пространством мы называем форму существования культуры в человеческом сознании. Когнитивная база – это особенности культурного кода, понятные всем его носителям. Все лингвокультурные сообщества и их отдельные представители обладают собственной когнитивной базой и принадлежат к конкретному культурному пространству (Гудков, 2009):

Прецедентный текст – текст, имеющий существенное культурно-коммуникативное зна-

чение для конкретного лингвокультурного сообщества. Как правило, такой текст отличается высокой популярностью в соответствующей среде и выступает своеобразным эталоном, как например, творчество А.С. Пушкина в русской литературе или Янки Купалы и Якуба Коласа в белорусской литературе. Кроме того, он имеет и отсылки к реальным историческим событиям (например, множество произведений про Великую Отечественную войну, как в русской, так и в белорусской литературе). К прецедентным текстам можно отнести и рекламные слоганы, и очень короткие произведения, имеющие множество аллюзий (сказка про теремок, репку и т.д.) (Кузнецова, 2024).

Прецедентное высказывание – это высказывание, цитата, значимая для соответствующего лингвокультурного сообщества или универсального характера (из античной культуры). Сюда относят цитаты, названия произведений, афоризмы: «в деревню, в глушь, в Саратов, к тетке», «в Москву, в Москву», «все врут календари», «прокрустово ложе». Прецедентная ситуация, как правило, идентифицируется по ряду особых признаков, она, также как и высказывание, и текст, должна быть актуальна для всего коммуникативного сообщества и понятна его представителям. Например, русские человека, запутавшего в дороге и погубившего тем самым врага, называют Иваном Сусаниным (Красных, 2003).

К прецедентному имени следует отнести индивидуальное имя, ассоциированное или с прецедентным текстом (Анна Каренина), или с прецедентной ситуацией (Александр Матросов), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (Франциск Скорина, символизирующий просвещение в Беларуси).

В той или иной степени, для всех прецедентных феноменов общими являются следующие признаки: отсылка к историческому событию, высокая степень популярности, символичность или ассоциативность, ценностная маркировка, а также способность со временем «терять» или «приобретать» прецедентность, поскольку прецедентные феномены – это результат культурно-творческой деятельности народа, так или иначе, со временем изменяющейся.

Еще одно важное для понимания коммуникативных проявлений культурного кода понятие – этнокультурный стереотип («этностереотип», «этнокультурная стереотипизированная единица»), не имеющий однозначного определения и являющийся предметом исследования в

ряде областей гуманитаристики. В интерпретации данного термина при его первом упоминании американским журналистом и социологом У. Липпманом (1989, с. 70) господствовала некоторая негативная коннотация – подразумевался уже сложившийся идеальный образ внутри этнического сообщества и необходимость соответствия именно данному образу, а не реальным характеристикам субъектов.

Подобная негативная коннотация в определении стереотипа преобладала в гуманитарной науке вплоть до середины XX столетия, когда возникла точка зрения, согласно которой некие стереотипные черты могут носить истинный характер. Как следствие, данное суждение легло в основу целого ряда подходов в гуманитарном знании к изучению этнокультурных стереотипов: социологическому, лингвистическому, лингвокультурологическому, этнопсихологическому, позволяющих нам обосновать примерно следующее определение стереотипа. Это некая модель действия, выраженная в знаках, символах, имеющая эмоциональную окраску и детерминирующая коммуникативное поведение в конкретной коммуникативной ситуации.

Воздействие на общественное сознание этнокультурных стереотипов, их роль в культурно-коммуникативной интеракции напрямую зависят от их отличительных признаков. Этнокультурные стереотипы имеют, как правило, высокую степень распространения в коммуникативной практике. Это связано с тем, что характер стереотипов довольно устойчивый, они плохо поддаются каким-либо трансформациям, легко фиксируются в сознании субъектов и также легко закрепляются в языковой практике, но, в то же время, говоря о степени устойчивости стереотипов на сегодняшний день, мы должны учитывать динамичность языка как феномена и влияние на стереотипы медийной среды (Белова, 2005, с. 130).

Мифы, предрассудки, страхи и суеверия наполняют собой стереотипы подобно «жидкости, наполняющей сосуд». Отсюда иррациональность стереотипов. Неслучайно в английском языке для обозначения стереотипа используется термин «ethnic slurs» («предрассудки»), а У. Липпман (1989, с. 90) писал о стереотипах как о «картинках в голове» («pictures in the head»). Неумение человека объяснить те или иные поступки представителя другого народа, незнание, невладение информацией, вызывают зачастую коммуникативные неудачи и даже страхи.

Мифический характер стереотипов также вытекает из их иррациональной природы и лежит в основе возвышения одного народа над другим. Исторические мифы могут порождать зачастую такие негативные феномены, как ненависть, шовинизм, ксенофобия.

Роль некоторых этнокультурных стереотипов в качестве репрезентантов русского и белорусского культурного пространства, часто повторяющихся в коммуникативной практике и имеющих важное значение, в том числе, и для современной культуры, можно продемонстрировать на следующих примерах.

В белорусском культурно-коммуникативном пространстве весьма существенное место занимает стереотип «аист» («бусел», «лялька»).

Все поверья связанные, как правило, с легендой о возникновении аиста, обусловлены человеческим происхождением этой птицы. Одна из легенд гласит, что однажды Бог повелел человеку уничтожить мешок с гадами в огне, но тот ослушался, за что был наказан вечным скитанием по болотам. Согласно другой легенде аист – выгнанный из отчего дома сын, старающийся, тем не менее, участвовать в жизни своей семьи. Отсюда представление об аисте как о существе, обладающем душой, разумом, способном понимать человеческую речь и сопереживать человеческому горю. Таковы и истоки мифа об аистах, сообщающих скорую весть о рождении в семье ребенка, – «аист принес».

Фольклорные представления нашли свое яркое воплощение в белорусской литературе. Но наиболее символический образ аиста, по мнению литературоведов, запечатлен в романе белорусского классика В. Короткевича «Земля под белыми крыльями» (2004), означающий чистоту и возрождение.

Итак, стереотип аиста (бусела) в белорусском культурном пространстве передает мудрость, чистоту, заботу, это своеобразный оберег дома и семьи.

В русском культурном пространстве аист также обозначает чистоту, мир в доме, но символом России эта птица не стала. В русском языке выражения со словом аист употребляются скорее для характеристики просто долговязого человека, хотя и также присутствует выражение «аист принес ребенка».

Для русского культурно-коммуникативного пространства ярким этнокультурным стереотипом является *ворон*. Его вполне можно считать таковым как по частоте упоминания в народном

творчестве (сказки, песни), так и в художественной литературе. Во всей славянской мифологии ворон символизировал смерть и мудрость, его внешний облик и карканье способствовали созданию вокруг него ореола мистики и таинственности, не случайно наши предки считали ворона помощником бога мертвых – Чернобога, наделившего эту птицу сверхъестественным знанием.

В русском фольклоре ворон в полной мере воплощает данные мистические представления, считаясь вестником смерти по народным приметам. Например, известна русская народная песня про черного ворона, создающая его «демонический» образ. Очень часто в русских сказках ворон – посредник между двумя мирами: «тем» и «этим», приносит живую и мертвую воду главному герою – Ивану Царевичу.

Подтверждением негативной характеристики образа ворона является выражение «каркать», то есть «накликать беду», «дурное». В то же время ворон в русском фольклоре это и птица-вещун, обладающая мудростью. Отсюда расхожее представление, что вороны живут по триста лет.

Из устойчивых выражений со словами «ворон», «ворона» отметим следующие со словами «ворон», «ворона»: «белая ворона» – человек, разительно отличающийся от других своим поведением, внешностью, поступками; «считать (ловить) ворон» – быть невнимательным, думать о посторонних вещах; «проворонить» – пропустить, прозевать что-либо; «гаркнуть» – громко крикнуть; «цвет воронова крыла» – насыщенный черный цвет; «накаркать» – накликать беду (Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля, 2004, с. 102).

Таким образом, характерными чертами стереотипа-образа ворона в русском культурном пространстве выступают демоничность, мудрость; вороны – тщеславие, любовь к лести, глупость, ротовейство.

В белорусском культурном пространстве ворон не является столь часто встречающимся персонажем в фольклоре. Если брать устойчивые выражения со словами ворон/ворона, то мы обнаружим схожие фразеологизмы с русским языком: «варон (галиц) страляць (лавіць)»; «чорны воран»; «белая варона»; «варона загуменная»; «варона ў паўліновых перах»; «пужаная варона» (Лепешаў, Том 1, 1993, с.185).

На основе краткого представленного анализа особенностей проявления стереотипов-репрезентантов в русском и белорусском культурном пространстве мы можем сделать ряд выводов.

Каждый из рассмотренных стереотипизированных культурных единиц-репрезентантов культурного пространства имеет истоки своего происхождения в древности в славянских религиозных верованиях. Благодаря определенным характеристикам системы языческих верований восточных славян наблюдается общность отличительных черт, присущих стереотипам, но есть и различия. Например, образ аиста не является настолько значимым для русских, как для белорусов, а образ ворона более распространен в русской культуре. Связано это, в первую очередь, с расхождением исторического развития русских и белорусов после распада Киевской Руси и культурной интеграцией с другими народами.

Мы считаем стереотипы весьма значимыми «индикаторами» культурного кода в языке и культуре, поскольку, во-первых, стереотипы продолжают сохранять свое культурное «наполнение», несмотря на все цивилизационные трансформации, во-вторых, стереотипы присутствуют во всех формах коммуникативного пространства: фольклоре, классической литературе, в-третьих, их визуализированный характер, ассоциативность, символичность во многом повышают роль в коммуникативных процессах как на моно-, так и на межкультурном уровне.

Выводы

Таким образом, проанализированные нами фразеологические единицы, прецедентные феномены и этнокультурные стереотипы мы относим к вербализованным проявлениям культурного кода в коммуникативном пространстве. Данные феномены отличают следующие характерные черты, отмеченные нами выше: функциональность (передают конкретные сведения о системе ценностей, нравственных ориентирах, ментальных установках, сложившихся в конкретный исторический период), вербализованность (выражены в языке и при помощи языка), искусственность (если мы допускаем, что язык есть система кодов, искусственно созданных), зашифрованность (все сведения закодированы в языковых конструкциях), аксиологичность (зафиксирована система ценностных установок), символичность (форма выражения всегда предполагает аллегоричность, ассоциативность), процессуальность (эволюция вербализованных проявлений), субъективность (находятся в сознании представителей лингвокультурного сообщества как субъектов). И фразеологизмы, и

прецедентные феномены, и стереотипы будучи своеобразными индикаторами культурного кода в языке несут в себе в закодированном виде информацию обо всех культурных явлениях как результатах культуротворчества народа. При этом они не только сохраняют в себе архетипические и мифологические образы прошлого, но продолжают активно участвовать в коммуникативных процессах настоящего.

Но процессы технологизации подвергают на сегодняшний день трансформации многие традиционные культурно-лингвистические феномены, и языковая система не является исключением. Цифровизация, визуализация, искусственный интеллект вмешиваются в проявления культурного кода, этнокультурной картины мира народа в целом, и отдельных его субъектов, в частности. В условиях современных реалий, когда идет активное внедрение новейших технологий, когда средства массовой информации демонстрируют крайне высокую степень влияния на сознание аудитории, очень важно

для каждого народа сберечь уникальность своего культурного кода и возможности его трансляции для последующих поколений.

События и процессы, реализуемые в современном мире, требуют от нас переосмысления многих научных концептов и категорий, и понятие культурного кода также нуждается в подобном переосмыслении. Основываясь на идее того, что культурный код – это ключ к пониманию культуры, необходимо выстроить новые пути и подходы к его определению. При этом важно помнить, что мы всегда исходим из необходимости сохранения культурного своеобразия в контексте диалога культур. Культура каждого народа глубоко индивидуальна, также как и проявления культурного кода. Коммуникативные возможности культурного кода, его способность фиксировать все достижения народа, глубинные ценности и смыслы и транслировать их на последующие поколения являются для нас доминирующими особенностями в характеристике культурного кода.

Литература

- Барт, Р. (2004) *Империя знаков*. М.: АСТ.
- Белова, О.В. (2005) *Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции*. М.: Гнозис.
- Гудков, Д.Б. (2009) *Теория и практика межкультурной коммуникации*. М.: Гнозис.
- Гуревич, П. С. (1984) Культура как объект социально-философского анализа. *Вопросы философии*, №5, С.48 – 62.
- Караткевич, У. (2004) *Зямля пад белымі крыламі*. Минск: Харвест.
- Красных, В.В. (2003) «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М.: Гнозис.
- Кузнецова, Е.В. (2024) Культурный код: характерные черты и вербализованные проявления. *Весті БДПУ*, Серія 2. Гісторія. Філасофія. Культуралогія, № 2, С. 110-115.
- Кузнецова, Е.В. (2023) Язык и культура. Языковые единицы как источники культурной информации.. *Вестнік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтва*, №2(48)), С.20-26.
- Лепешаў, І.Я. (1993) *Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы*. У 2 т. Том 1. А-Л. Мн. : БелЭн.
- Лепешаў, І.Я. (1993) *Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы*. – У 2 т. Том 2. М-Я. Мн. : БелЭн.
- Лотман, Ю.М. (2000) *Семіосфера*. СПб.: Искусство.
- Телия, В.Н. (1986) *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*. М: Наука.
- Телия, В.Н. (1996) *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Языки русской культуры.
- Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля* (2004) / Сост.Н.В. Шахматова и др.СПб. : ИД «Весь».
- Эко, У. (2004) *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. СПб.: Симпозиум.
- Lippman, W. (1989) *Public Opinion*. New York: Anchor Book.

References

- Bart, R. (2004) *Imperiya znakov* [Empire of signs]. Moscow, AST. (in Russian)
- Belova, O.V. (2005) *Etnokulturnye stereotipy v slavyanskoi kulturnoi traditsii* [Ethnocultural stereotypes in the Slavic folk tradition]. Moscow, Gnozis (in Russian)
- Gudkov, D.B. (2009) *Teoriya i praktika mezhkulturnoi kommunikatsii*. [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow, Gnozis. (in Russian)
- Gurevich, P.S. *Kultura kak ob'ekt sotsial'no-filosofskogo analiza* [Culture as an object of socio-philosophical analysis] *Voprosy filosofii*, № 5. pp. 48-62 (in Russian)
- Karatkevič, U. (2004) *Zjamlja pad belymi krylami*. [The land under the white wings] Minsk, Harvest. [in Belarusian]
- Krasnykh, V.V. (2003) *Svoi sredi chuzhikh: Mif ili real'nost*. [“Friend” among “Strangers”: Myth or Reality] Moscow, Gnozis.. (in Russian)

- Kuznetsova, E.V. (2024) Kulturnyi kod: kharakhetrnye cherty I verbalizovannye proyavleniya [Cultural Code: Characteristics and Verbal Manifestations] *Vesci BDPU. Serija 2*. "Historija. Filasofija. Kul'turalohija, №2, pp. 110-115. (in Russian)
- Kuznetsova, E.V. (2023) Yazyk I kultura. Yazykovye edynitsi kak istochniki kul'turnoi informatsii. [Language and culture. Language Units as Sources of Cultural Information] *Viešnik Bielaruskaha dziaŭžanaŭna univiersiteta kultury i mastactvau, № 2(48), pp. 20-26. (in Russian)*
- Lepiešaŭ, I.J. (1993) Frazéalahičny sloŭnik belaruskaj movy. [Phraseological Dictionary of Belarusian Language] U 2 t. T.1. Vol.1. Minsk, BelEn. (in Belarusian)
- Lepiešaŭ, I.J. (1993) Frazéalahičny sloŭnik belaruskaj movy. [Phraseological Dictionary of Belarusian Language] U 2 T.2. Vol.2. Minsk, BelEn. (in Belarusian)
- Lotman, Y.M. (2000) Semiosfera. [Semiosphera] Saint Petersburg, Iskustvo. (in Russian)
- Teliya, V.N. (1986) Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh editits. [Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Units] Moscow, Nauka. (in Russian)
- Teliya, V.N. (1996) Russkaya fraseologiya. Semantika, pragmatika i lingvokul'turnye aspekty. [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and linguoculturological Aspects] Moscow, Yazyki Russkoi Kultury. (in Russian)
- Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka V.I. Dal'a (2004) [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V.I. Dal'] Ed. N.V.Shakhmatova and others. Saint Petersburg, Izdatel'skii DomVes'. (in Russian)
- Eco, U. (2004) Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu [Missing structure. Introduction to Semiology] Saint Petersburg, Simposium. (in Russian)
- Lippman, W. (1989). *Public Opinion*. New York, Anchor Books. (in English)

Сведения об авторе:

Кузнецова Евгения Владимировна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник ГНУ «Институт философии» (Минск, Республика Беларусь, e-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru).

Information about the author:

Evgeniya V. Kuznetsova – PhD in Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher of the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences (Minsk, Belarus, e-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru).

Автор туралы мәлімет.

Кузнецова Евгения Владимировна – философия ғылымдарының кандидаты, доцент, “Философия институты” ҒЗУ аға ғылыми қызметкері (Минск, Беларусь Республикасы, e-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru).

Поступила 01.11.2025

Принята 23.12.2025